

DOI 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-170-183

УДК 398(470.5)

С. В. Голикова

Институт истории и археологии УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8272-4763

E-mail: avokilog@mail.ru

В. А. Шкерин

Институт истории и археологии УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-3925-2873

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

«Так он вроде у каждого человека есть»: образ домового в мифологических представлениях жителей уральской деревни

АННОТАЦИЯ. На основе полевых материалов 2010-х гг. рассматриваются традиционные представления сельских жителей Южного Урала о домовом — его облике, функциях, качествах и способностях, о практиках выстраивания взаимоотношений с ним. Исследование проводилось в русской деревне Бедярыш, расположенной в юго-западной (горнозаводской части) Челябинской области. Представления о домовом в этой локальной традиции в целом типичны для славянской мифологии. Образ его синкретичен и вызывает у носителей традиции противоречивые чувства. Домовой — дух-покровитель, он оберегает крестьянскую усадьбу и населяющих ее людей и животных от несчастий, однако встречи с ним опасны и потому нежелательны. Взрослым людям (в отличие от детей) опасно слышать домового, еще опаснее видеть, зато с ним возможен тактильный контакт. В потустороннем мире, к которому принадлежит домовый, время течет по иным законам, для домового открыты и прошлое, и будущее, однако не все подаваемые им знаки следует трактовать как предвестия: домовый способен просто пошутить. Он всегда присутствует в доме (а его отсутствие грозит бедой) как предок-покровитель или даже как основоположник рода. При переселении на новое место жительства домового следует позвать с собой, впрочем, он может достаться новым домовладельцам и вместе с домом. Домовой способен быть видимым и невидимым, он — оборотень, может являться в антропо- или зооморфной ипостаси, но некоторые аномалии в облике или поведении обязательно выдают его.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

домовой, мифологическая традиция, духи-хозяева, углежог, горнозаводской Урал

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Голикова С. В., Шкерин В. А. «Так он вроде у каждого человека есть»: образ домового в мифологических представлениях жителей уральской деревни. *Этнография*. 2020. 2 (8): 170–183. doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-170-183

S. Golikova

Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS
Ekaterinburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8272-4763
E-mail: avokilog@mail.ru

V. Shkerin

Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS
Ekaterinburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3925-2873
E-mail: shkerin_uit@mail.ru

«Everyone seems to have him»: the image of Domovoy in the mythological beliefs of Ural villagers

ABSTRACT. The article is based on the field materials collected in the 2010s and considers the traditional beliefs of rural inhabitants of the Southern Urals about *domovoy* — his appearance, functions, qualities and abilities, as well as the practices of establishing relationships with him. The research has been conducted in the Russian village of Bedjarysh located in the south-western part of the Chelyabinsk Region. The local folklore tradition presents notions of *domovoy*, which generally correspond to the all-Russian mythological system. His image is syncretic and causes contradictory feelings among the bearers of the tradition. *Domovoy* is a patron spirit that protects the peasant manor and all its inhabitants (people and animals) from misfortunes. However, encounters with him are undesirable and dangerous. For adult persons (unlike children) it is dangerous to hear and see *domovoy*, but a tactile contact with him is possible. *Domovoy* belongs to the other world, where time flows according to different laws. He knows both the past and what will happen in the future. But *domovoy* likes joking, that is why not all the signs given by him should be perceived as a premonition. *Domovoy* is an ancestor protector and perhaps even a progenitor, so he must be present in every house. His absence is fraught with troubles. Moving to a new place of residence, one should invite *domovoy* to join him. However, new house owners can also get him together with the house. *Domovoy* is a werewolf. He is able to appear as a human or an animal and can be visible and invisible. But anomalies in his appearance or behavior disclose him to people inevitably.

KEY WORDS:

domovoy, mythological tradition, guardian spirits, charcoal burner, industrial Ural

FOR CITATION: Golikova S., Shkerin OV.

«Everyone seems to have him»: the image of Domovoy in mythological beliefs of Ural villagers. *Etnografia*. 2020. 2 (8): 170–183. (In Russ.). doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-170-183

Домовой, домашний дух, согласно авторитетному мнению исследователей, «выглядит наиболее монолитным, простым и легко узнаваемым, а характеристика его сводится к нескольким неизменно повторяющимся чертам», фиксируемым на протяжении длительного времени в различных и территориально далеких друг от друга регионах России (Виноградова 2000: 271; Померанцева 1975: 94–95). Но как ведет себя мифологическая традиция в условиях постепенного исчезающего русского (конкретнее, уральского горнозаводского) селения, к тому же имеющего иноэтничное соседство? Можно ли говорить об ослаблении традиции по мере сокращения числа ее носителей? Подвержена ли она трансформациям и если да, то каким? По-прежнему ли в начале XXI столетия мифологические существа следят «за соблюдением установленного порядка в социуме и универсуме и — в случае нарушения — вновь и вновь воссоздают его из хаоса» (Криничная 2004: 8)? Или они уже превратились в сказочных персонажей, которых и сами носители фольклора не воспринимают всерьез?

Основой настоящей статьи послужили полевые материалы, собранные Южным отрядом этнологической экспедиции «Урал-2014»¹ в селе Бедярыш Катав-Ивановского района Челябинской области. Были также опрошены уроженцы села, проживавшие в районном центре — городе Катав-Ивановске — и иных населенных пунктах Урала.

Бедярыш был основан в 1752 г. как поселение углежогов, переведенных сюда заводчиками И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым из Нижегородской губернии и, вероятно, иных регионов для обеспечения древесным углем доменных печей Катав-Ивановского завода (введен в эксплуатацию в 1755 г.). На рубеже XIX–XX вв. количество таких печей на предприятии достигло максимума — четырех единиц (Металлургические заводы... 2001: 262–264). Ближайшее башкирское село Мулдакай (Мулдакаево) Белорецкого района Республики Башкортостан расположено всего в 7–8 км от Бедярыша. Несмотря на длительное близкое соседство, межнациональные семьи здесь единичны и появились лишь на закате советской эпохи.

XX век нанес Бедярышу четыре сокрушительных удара. Первым была окончательная остановка в 1934 г. последней катавской домны (Катавский феномен... 2007: 56). Спроса на древесный уголь не стало,

¹ Руководитель экспедиции — д-р ист. наук., профессор, чл.-корр. РАН А. В. Головнёв (на момент проведения экспедиции — г. н. с. Института истории и археологии Уральского отделения РАН, ныне — директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН). Состав Южного отряда: руководитель — д-р ист. наук, В. А. Шкерин (в. н. с. ИИиА УрО РАН), В. А. Печняк (на момент проведения экспедиции — аспирант ИИиА УрО РАН), Е. А. Коптяева (на момент проведения экспедиции — студентка исторического факультета Омского государственного университета), М. Т. Накишова (на момент проведения экспедиции — студентка исторического факультета Уральского федерального университета). Материалы экспедиции хранятся в Архиве Этнографического бюро, фонд № 1, дело № 16.

пашенным же земледелием бедярышенцы никогда не занимались. Выживать пришлось за счет огородов и домашнего скота, здесь была также создана артель им. Э. Тельмана, производившая пихтовое масло, рогожи, лапти и пр. Следующий удар нанесла Вторая мировая война. Если в 1939 г. население Бедярыша составляло 1056 чел., то к 1947 г. остался 681 чел. (Мукомолов 2007: 392). Третьим ударом стала ликвидация артели в 1961 г. (Чайко 2008: 119). И четвертым — пожар 1977 г., уничтоживший всю нижнюю часть села. Место пожарища так и осталось незастроенным. Прежде всего потому, что пустовавших изб было достаточно для расселения погорельцев. Но, возможно, еще и потому, что пепелище — плохое, несчастливое место для строительства. На момент проведения исследования (2014 г.) в Бедярыше было прописано около 40 чел., постоянно же проживало не более 25. В большинстве своем это были пожилые люди, из них двое башкир, одна крещеная татарка, остальные — русские.

Хорошо известная по работам еще XIX в. боязнь называть домового собственным именем (Даль 1997: 15; Максимов 1994: 30), обозначение его «иносказательными кличками» (дедушка, старик, хозяин, суседко, запечник и пр.) в наших материалах почти не встречается. Следует отметить принадлежность руководителя отряда к династии, идущей от бедярышенских первопоселенцев. Это обстоятельство могло смягчить настроенность, с которой респонденты часто относятся к исследователям как к пришлым, незнакомым, чужим людям (см., напр.: Панченко 2001: 7–9). Наши материалы фиксируют не какое-то иносказательное, а, скорее, эмоционально окрашенное производное от слова «домовой». Респондентка 1929 г. р. (далее — № 1) на вопрос о домовых отвечала: «А, домовые? Ну, как сказать... Ну, никто их не видел, этих домовых. Но как-то все: есть домоушка, домоушка, домоушка, но никто не видел». Примерно так же в XIX в. казаки Уральского войска именовали домашнего духа в беседах с фольклористом и своим товарищем по службе И. И. Железновым. Один из его собеседников, старик «Афанасий Дмитрич», говорил: «И лишь только я заснул, как вдруг пожаловал ко мне домовушка...» (Железнов 2006: 428).

Несмотря на многолетнее знакомство интервьюера с респонденткой № 1, беседа продвигалась с трудом:

Респондентка № 1: Ну, примечают: тут вот так, здесь так, потом вроде что-то как-то... Никто его не видел, никто. Только думают, что есть домоушка.

Интервьюер: А почему думают, что есть?

Респ. № 1: Как вроде дух какой-то есть. <...> Что в каждом доме есть домоушка. А кто там его видел, этого домоушка. Никто ничё не видел.

Инт.: А он зачем-то в доме есть? Что он делает-то? Это хорошо, что он в доме, или плохо?

Респ. № 1: Так он вроде у каждого человека есть.

Диалог оставляет неоднозначное впечатление. То ли собеседница не верит в домовых и пытается разубедить интервьюера, ссылаясь на их невидимость. То ли разговор коснулся одной из «закрытых» тем. На самом деле характерные черты контактов с домовым здесь указаны. Как правило, эту бесплотную субстанцию нельзя увидеть или удастся видеть крайне редко — на то он и дух. Результаты деятельности домового лишь «примечают» и по ним предполагают, какой посыл заключался в его действиях. Домовой есть в каждом доме и у каждого человека, он — данность, поэтому разговоры о том, плох он или хорош, лишены смысла.

Респондентка 1931 г. р. (далее — № 2) призналась, что слышала в своем доме непонятные звуки, и эмоционально откликнулась на предположение беседовавших с ней студенток-интервьюеров:

Респ. № 2: У меня недавно ходило по избе. Дверь заперта. Я не знаю, кто это. Я в сени-то вернулась, слышу, ходит. <...> Не знаю, кто ходит.

Инт.: Домовой, наверно.

Респ. № 2: Домовой. Есть он, как нету-то!

Не только видеть, но и слышать домового взрослым (а тем более пожилым) людям смертельно опасно (Криничная 2004: 169; Тростина 2015: 276–277). Исполняя роль предвестников, домовые сообщают человеку, что он уже не вполне принадлежит этому миру (к слову, респондентка № 2 скончалась в 2015 г.). Зато детям даже визуальный контакт с домовым фатальными последствиями не грозит. Респондентка 1984 г. р. (далее — № 3) сообщала: «Ну, вот, тетя Наташа рассказывала, что она маленькая была, и ее мать посадила ее на окошко зимой. И она говорит, что где печка есть, там шесток, там сидит человек. Она прям видала, что домовый это был».

Вероятно, здесь мы имеем дело с представлением об особой восприимчивости малышей: они не окончательно разорвали связь с миром, из которого пришли на этот свет, и могут видеть тонкие сущности, недоступные или запретные для взрослых. Эта идея усиливается культивируемым христианством представлением о детях как существах безгрешных и поэтому обладающих специфическими способностями. Домового из воспоминаний «тети Наташи» можно трактовать как домашнего опекуна, не любящего, чтобы малыши оставались без присмотра.

Способностью контактировать с иным миром, и в частности с домовым обладает и такое домашнее животное, как кошка. Та же респондентка № 3 поучала: «Если приезжаешь в новый дом, вперед кошку надо пускать». Кошка — существо, связанное с домовым: если у них «совпадет масть», в доме воцаряются мир и благополучие (Голубкова 2009: 192–193). Однако жизненный опыт самой респондентки оказался не столь удачным. В связи с замужеством и переездом в Бежарыш иногороднего мужа был куплен дом — буквально через улицу от дома родителей новобрачной. В разговоре, происходившем в купленном доме, респондентка сообщила: «Здесь раньше хозяин жил, кошек не держал. И, вот, принесли мы от мамки кота, и он напугался, под шкаф спрятался и больше никуда не выходил. А потом убежал». Очевидно, старый хозяин съехал, не позвав с собой домового. Тот остался и враждебно встретил чужого («от мамки») кота (см. похожую историю: Сугоняк 2016: 276). У самих новых хозяев проблем со старым домовым не возникло. Собственный дом у них был первый, другого домового они с собой не привели, и жизнь на новом месте сложилась вполне благополучно: у пары родились сын и дочь — единственные тогда в Бежарыше дети.

Присуца домашнему духу и такая черта, как оборотничество. Часто ее проявление связано с образом домового как покровителя не только собственно дома, но и дворовых построек, а также содержащихся в них скота и птицы (Невский 1898: 742). Соответственно, оборотень может явиться в животном облике и предупредить о грядущем несчастье. Респондентка 1935 г. р. (далее — № 4) поведала о случае с ее старшей сестрой: «Видит, из-под навеса выходит белая овца. А у нас овцы все были черные. Она <...> прутичек взяла: сейчас, говорит, выгоню. Идет к овце, а от той только парок пошел и все. Овца исчезла». Иной, чем у своих домашних животных, окрас и необычное поведение позволили героине истории и рассказчице осознать, что произошла встреча со сверхъестественным существом. Однако возможность признать случившееся дурным знаменем появилась лишь после того, как перестала доиться находившаяся под тем же навесом корова.

Респондентка № 1 вспоминала о подобном пророчестве перед «убытком» — пожаром 1977 г.: «А, вот, нам как сгореть, пожару, вот, быть. Отец, вот, их [показывает на дочь. — Прим. авт.], он в больнице лежал, приехал вот тут, и пошел он во двор. Там конюшня. Хотел там сена дать... или не сена... К теленочку. Теленочек маленький был. Да. И вот тоже не бóлты, отец ваш сказал. Я-то не слышала. “Слушай-коть, я во дворе, слышу, стонáт. Стонáт и стонáт. А я говорю: Не стонáй, не стонáй, сейчас подойду, маленько положу. Я тебе сена-то положу, да”. <...> Зашел, а теленка-то нету. А там стон, как теленок стонáт. <...> А был у нас теленок в другой конюшне. <...> А у меня в этой конюшне гусяха была, сидела с цыплятами. Что ли шесть ли, семь ли цыплятков было. <...> Так, конечно,

сгорели! Гусиха и куры, двенадцать голов было». На этот раз домашний дух не показался, а только послышался. Признать необычные звуки пророчеством опять же удалось лишь задним числом — после пожара.

Домовой-оборотень может подражать голосу не только животного, но и человека, в том числе и того, к которому в этот момент обращается. Случается это, как правило, во сне или на грани сна и яви. Отзываться на такой призыв крайне опасно. Респондентка 1952 г. р. (далее — № 5) завела об этом разговор, поддержанный респонденткой № 1. Оказалось, что это поверье хорошо известно обеим.

Респ. № 5: Иногда, Володя [обращается к интервьюеру. — *Прим. ред.*], спишь, а свой голос можешь услышать.

Респ. № 1: Это вот дедушка домовой. <...> Вот это мне бабушка говорила. Вот, говорит, ты спишь, тебе кричат. Снится как-то, что как тебя окликают. Кричат. Тогда, говорит, не открывайся. Когда еще окликнут, если раза два-три, тогда другое дело. А сразу, говорит, не надо. Очень, говорит, вредно.

Респ. № 5: Это, вот, окликнет или человек, с которым ты живешь, или близкий. И тебя крикнули...

Респ. № 1: Не надо, не откликайтесь!

На такие голосовые провокации отвечать не следует, чтобы не сделать проницаемой границу между тем и этим миром. Молчание служит в данной ситуации оберегом (Левкиевская 1999а: 58).

Там же, на грани сна и яви, разворачивается, наверное, самый популярный сюжет быличек о домовом: как домовый наваливается на спящего, манипулирует его дыханием, а в конечном счете — и жизнью. В этот момент допустимо задать прямой вопрос: «К худу иди к добру?» Угадать ответ можно по собственным тактильным ощущениям: тепло — холодно, тяжело — легко, мягко — жестко, ласково — грубо и т. д. (Виноградова 2000: 283; Голикова 2011: 12–13; Гордеев 2002: 52; Левкиевская 1999б: 123 и др.). Вера в домового, который может быть душителем спящих и вещуном, распространена не только у славянских народов (см., напр.: Байдуж и др. 2013: 153; Гаджиев 1991: 26–27; Голубкова 2015: 25), что, вероятно, свидетельствует о древности этого поверья. Пожилые бедярышенки дружно рассказывали о подобных случаях, пережитых ими, однако в воспоминаниях их — только былой испуг и нет сбывшихся или несбывшихся предвестий. Ниже приведена беседа респонденток № 4 и № 1:

Респ. № 4: А все-таки о домовых. Это еще в молодости. Вот снится, будто тебя кто-то душит, на грудь давит. Уже проснешься — ни рукой, ни ногой.

Респ. № 1: Да-да. <...> Было так. И у меня тоже было так.

Людам безгрешным, спокойным, нешумным и потому полюбившимся домово́й посылает «праведный сон» — вероятно, доставляющий удовольствие или передающий какие-то важные сведения без опасного визуального, звукового или тактильного контакта. О таком явлении поведали респондентки № 1 и № 5:

Респ. № 1: Это, вот, праведный сон, бабушка говорила. Она, вот, тому, говорила, снится праведный сон, кто сам себя ведет порядком, ни с кем не ругáтся, не спорит, ни зла ни на кого не имеет. Ну, в общем, не врет, не обижáтся...

Респ. № 5: Не обижáтся, не причинят зла.

Респ. № 1: Вот такому человеку сон праведный наснится.

Если не о похожем, то о близком случае сообщала респондентка № 4, которая, будучи ребенком, получила во сне информацию, недоступную ей наяву. Семья их жила в стоящей особняком части села — на выселках. Посреди ночи в центральной части села, за рекой, начался пожар: «Факт в том, что баня горела, а мы же на горе. Мама, Раиса, я посмотрели, как баня очень сильно горела. А чья баня — не знали. Легли спать. Я утром встала и говорю: “Сгорела баня у Ивана Матвеевича, а подожгла ее Татьяна С-ва”. Ну, вот. А потом в деревню-то пошли, действительно, баня у Ивана Матвеевича сгорела, а кто ее поджег, не знали».

Свои симпатии домово́й мог проявить и иными способами, например плетением косиц как из лошадиных грив, так и из человеческих волос (Виноградова 2000: 280–282; Голикова 2011: 14–15). В 1950-х гг. в Бедрярыше жила женщина, носившая на голове косу из свалывшихся волос толщиной примерно в два пальца и длиной до пояса. Косу эту она укладывала вместе с расчесанными волосами узлом на затылке. Физически избавиться от такого «украшения» не составляло труда, но женщина этого не делала, вероятно, опасаясь рассердить домового и даже гордясь его отметиной (так же из-за боязни навредить лошадям не расплетались спутанные гривы). В 1880-х гг. в Уфимской губернии (в состав которой входила тогда и Катав-Ивановская волость с Бедрярышом) считали, что «домово́й заплетает косы женщинам, которые ему нравятся» (Игнатъев 1883: LVII).

Будучи существом пограничным — соединяющим здешний и потусторонний миры, — домово́й и в человеческом жилище стремится обосноваться на пограничных участках. Разумеется, в его распоряжении все домовое и дворовое пространство, но предпочитает он запечье и печь

с дымоходом (выход в небо), подполье (выход в землю), хлев (выход на все четыре стороны) (Байбурин 1983: 182; Зеленин 1991: 412; Померанцева 1975: 94). На печном шестке видела домового маленькая «тетя Наташа». Через устье печи обращалась к домовому бедярышенская «бабушка», которая, по словам респондентки № 3, сама была не чужда оборотничества («то в собаку, то в свинью превращалась, по ночам ходила по селу» и «умереть не могла»): «Байки такие были. Одна бабушка своего мужа из дома выгонит. Несколько дней пройдет, она трубу откроет и в трубу кричит: “Дедушка домовый, вези домой!” И пошлет свою дочь за ним. Она его домой ведет». В подполе проявлял себя домовый в рассказе респондентки № 2: «Вот когда у меня отец умер, домовый плачет. Прямо в подполе плачет. Мы даже уходили, ночевали, ой, говорит, плачет: “Оу, оу, оу”. <...> Как тятю схоронили, так и плачет. Домовой, домовый».

В последнем сюжете домовый исполняет еще одну традиционную для него роль — осуществляет связь с умершими родственниками. Более того, эта роль для домового первична, изначальна, поскольку сам домашний дух ассоциируется с образом предка-покровителя (Токарев 1957: 97). Предка — необязательно далекого, абстрактного или мифического. Недавно умерший родственник также может повести себя как домовый. Респондентка № 2 рассказывала, как умерший дядя изгонял ее из своего дома:

Я там у них была, а капуста в присадке. Приехала, я там девять дней жила. А капусту он ни за что не имел дела [т. е. оставил ее на грядках в огороде. — *Прим. авт.*]. А я приехала и из-за снега ее вытаскивала да по улочке таскала. Вот там его схоронили Юрку-то, дядю-то. И стала я из чулана выходить. А тут он в меня вилком-то и пустил. Не выходи в избу, ўкнул меня вилком. Потом я уж на койке сижу, на мне калоши были, ну, я их так вот сбросила да легла. Калоши те... Утром встала я, их не найду. Под кровать заглянула, а мне сказали, что их в сарае поставили. Покойники, оне ходют ведь.

Дедушка респондентки № 1 еще при жизни знал об уготованной ему роли домового и предупреждал об этом недоверчивого зятя:

И он сказал отцу: «Ты, мол, самостоятельный человек, хороший парень. Ты меня похорони, и я вам этот домик отпишу. Отдам. Живите семьей. Ребенок родился». Да. Ну, как-то вот. А тятя, он не верил ничему, что ничáго нету — никаких этих домовых, ничáго нету. Ну, дедушка-то и говорит: «Не веришь — не верь. Но я, — говорит, — напугаю тебя». <...> Да. Таперчá окна-то закрывались не на крючочки, а ляпочки были. <...> Верево́чку там крепко-накрепко, там в створку оне заходили. Да, затягивали на эту ляпочку на гвоздь, тут на косяк. <...> И вот отец мой слушал, как кто-то лезет в окно! Кто-то скрябáт. <...> Я, говорит, встал, посмотрел: никого нету.

Только маленько, говорит, привалюсь, обратно начинает скрывать. <...> Створку, которая, она, вот, створка эта прикрывалась. Она в зажим идет, ее никак не откроешь. Значит, лямочка открутилась — она и открылась. Но лямочка цела, створка цела, а эту створку выдрали, из-под этой створки выдернули. Вот тогда я дедушку и вспомнил. <...> Напугал, говорит. И вот теперча на следующий день завязали эдак окно, рассказал соседам, там два мужчины пришли. Вот так и так, попробуйте открыть, чтоб эта створка с лямочкой никуда не делась, как завинчена была, а эта открылась. Что они не ковыряли — гвоздями и всем — и не могли ее открыть.

Это необычайное происшествие рассказчица вслед за своим отцом объясняла действием родственной нежити. Умерший дедушка выполнял функцию покровителя семьи, но мог и подшутить над домочадцами, оставленными в этом мире. Шутка не была бессмысленной или беспричинной. Жизнь семьи зависела от домового, и для того, чтобы добиться его расположения, следовало соблюдать определенный этикет. За домашним оберегом ухаживали, оказывали ему знаки внимания. Отсутствие в доме духа-покровителя, по словам Е. Е. Левкиевской, «считается аномалией и ведет к бедности и разрушению хозяйства, мору скота, смерти членов семьи» (1999б: 122).

Поэтому столь значима роль домового при новоселье: его переселение и водворение на новой жилплощади сопровождалось особыми ритуалами (Байбурин 1983: 105–107, 111). По сути это был акт передачи себя, своей семьи, недвижимого и движимого имущества, всей территории усадьбы под покровительство духа-хозяина. Обращенные к нему просьбы имели устойчивые формулировки. Респондентка № 3 свидетельствовала: «Если из дома ты уезжаешь, надо из дома его позвать: “Дедушка домовый, айда с нами!” А куда-нибудь приходишь, говоришь: “Дедушка домовый, проходи!”» При нарушении речевого канона домовый может не перейти из старого жилища в новое и не перенести с собой домашнее благополучие. Первой в новый дом запускалась кошка — существо тесно связанное со своим домовым. Заручиться благосклонностью домашнего духа пытались и с помощью ритуального кормления, раскладывая угощение в излюбленных им местах обитания. «На завалинку надо конфеты лóжить, под пол. Чтобы домовый добрый был», — делилась опытом та же респондентка. Напомним, что этой молодой женщине довелось столкнуться с начальным недовольством домового (изгнал принесенного кота), но высказанное уважение и преподнесенные лакомства сумели переломить ситуацию.

Представления о домовом, демонстрируемые бедярышенской локальной традицией, в целом типичны для славянской мифологии. Образ его синкретичен и вызывает у носителей традиции противоречивые чувства. Домовой — дух-покровитель, он бережет крестьянскую усадьбу и всех ее обитателей (людей и животных) от несчастий, однако встречи с ним

опасны и потому нежелательны. Взрослым людям (в отличие от детей) опасно слышать домового, еще опаснее видеть, но когда домовый наваливается на спящего, его можно даже осязать. В потустороннем мире, к которому принадлежит домовый, время течет по иным законам, для него открыты и прошлое, и будущее, однако не все подаваемые им знаки следует воспринимать как предвестия: домовый способен и просто пошутить. Домовой всегда присутствует в доме (его отсутствие грозит бедой) как предок-покровитель или даже первопредок, однако и вновь умерший родственник может повести себя как домовый, при этом непонятно, становится ли он единым целым со своим предместником, вытесняет его или действует с ним параллельно. Домовой также может перейти к новым хозяевам вместе с жилищем, тогда вопрос родственной связи уже не поднимается. Домовой способен быть видимым и невидимым, он — оборотень, может являться в антропо- или зооморфной ипостаси, однако по неким аномалиям в облике или поведении человек обязательно его узнает, хотя бы постфактум.

Прямая зависимость состояния мифологической традиции от численности ее носителей нашими материалами не подтверждается. Сохранить традицию во всем ее богатстве и многогранности способен и один знаток, даже перебравшийся жить в город. К тому же, как показало исследование, бедярышенка 1984 г. р. демонстрирует не меньшую веру в реальность домовых и осведомленность в правилах взаимоотношений с ними, чем ее землячка 1929 г. р.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.

Байдуж М. И., Лискевич Н. А., Машаринова А. Х. Традиционные представления о домовом у коми юга Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 148–155.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.

Голикова С. В. Народная религиозность русского населения Урала XVIII—начала XX веков. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011.

Голубкова О. В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009.

Голубкова О. В. Образ дома и его мифических обитателей в традиционном мировоззрении коми-ижемцев // Баландинские чтения. 2015. Т. 10. № 2. С. 20–27.

Даль В. И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. М.: ТЕРРА, Книжная лавка — РТР, 1997.

Железнов И. И. Сказания уральских казаков. Оренбург: Оренбургская книга, 2006.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.

Игнатьев Р. Народные приметы и поверья в Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа: Печатня Н. К. Блохина, 1883. Отд. II. С. LIII–LVIII.

Катавский феномен: Научно-популярное издание. Автор текста С. В. Устьянцев. Екатеринбург, 2007.

Криничная Н. А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004.

Левкиевская Е. Е. Голос и звук в славянской апотропеической магии // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 51–72.

Левкиевская Е. Е. Домовой // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2: Д–К. М.: Международные отношения, 1999. С. 120–124.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Полисет, 1994.

Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Екатеринбург: Академия, 2001.

Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах. Кн. VI. М.: Территория, 2007.

Невский И. Село Слоновка Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. № 19. С. 738–747.

Панченко А. А. Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // Живая старина. 2001. № 1. С. 7–9.

Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.

Сугоняк В. В. Домовой в восточнославянской мифологии (по материалам Целинного района Алтайского края) // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: мат-лы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2016. С. 276–277.

Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

Тростина М. А. Былички о домовом как источник информации о семейных отношениях и быте русских и мордвы (на фольклорном материале, собранном в Республике Мордовия) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сб. мат-лов XII Региональной науч.-практ. конф. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2015. С. 274–280.

Чайко Е. А. Будни советского человека в контексте российской истории 1930–1950-х годов: локальный мир Южноуральского горнозаводского района // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35. С. 115–125.

REFERENCES

Baiburin A. K. *Zhilishche v obredakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in ceremonies and representations of East Slavs]. Leningrad: Nauka Publ., 1983. (In Russian).

Baiduzh M. I., Liskevich, N. A., Masharipova A. Kh. Tradicionnye predstavleniya o domovom u komi yuga Zapadnoj Sibiri [Traditional notions of home from the South of Western Siberia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and Ethnography], 2013, no. 3 (22), pp. 148–155. (In Russian).

Chajko E. A. *Budni sovetskogo cheloveka v kontekste rossijskoj istorii 1930–1950-h godov: lokal'nyj mir Yuzhnoural'skogo gornozavodskogo rajona* [Everyday life of the Soviet man in the context of Russian history of the 1930^s and 1950^s: the local world of the South Ural mining district]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state University], 2008, no. 35, pp. 115–125. (In Russian).

Dal' V. I. *O poveriyakh, sueveriyakh i predrassudkakh russkogo naroda* [About the beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people]. Moscow: TERRA Publ., Knizhnaya lavka — RTR Publ., 1997. (In Russian).

Golikova S. V. *Narodnaya religioznost' russkogo naseleniya Urala 18—nachala 20 vekov* [Popular religiosity of the Russian population of the Urals 18 — early 20 centuries]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii Publ., 2011. (In Russian).

Golubkova O. V. *Dusha i priroda: Etnokul'turnye traditsii slavyan i finno-ugrov* [Soul and nature: ethno-cultural traditions of the Slavs and Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS Publ., 2009. (In Russian).

Golubkova O. V. *Obraz doma i ego mificheskikh obitatelej v tradicionnom mirovozzrenii komi-izhemcev* [The image of the house and its mythical inhabitants in the traditional worldview of the Komi-Izhemtsy]. *Balandinskie chteniya* [Balandinskaya reading], 2015, vol. 10, no. 2, pp. 20–27. (In Russian).

Krinichnaya N. A. *Russkaya mifologiya. Mir obrazov fol'klora* [Russian mythology. The world of images of folklore]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.; Gaudeamus Publ., 2004. (In Russian).

Levkievskaja E. E. *Domovoy* [Domovoy]. *Slavyanskie drevnosti. Etnoligvističeskii slovar'* [Ancient Slavic. Ethnolinguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2: D–K, pp. 120–124. (In Russian).

Levkievskaja E. E. *Golos i zvuk v slavyanskoj apotropeičeskoj magii* [Voice and sound in Slavic apotropeic magic]. *Mir zvuchashhij i molchashhij. Semiotika zvuka i rechi v tradicionnoj kul'ture slavyan* [The world is sounding and silent. Semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow: Indrik Publ., 1999, pp. 51–72. (In Russian).

Maksimov S. V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Evil, unknown and power of the cross]. St. Petersburg: Poliset Publ., 1994. (In Russian).

Metallurgičeskie zavody Urala 17–20 vv. [Metallurgical works in the Urals in the 17–20 centuries]. Ekaterinburg: Academia Publ., 2001. (In Russian).

Mukomolov A. F. *Na yuzhnoural'skikh zavodakh* [At South Ural plants]. Moscow: Territoriya Publ., 2007, vol. 6. (In Russian).

Panchenko A. A. *Inkvizitory kak antropologi, antropologi kak inkvizitory* [Inquisitors as anthropologists, anthropologists like inquisitors]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 2001, no. 1, pp. 7–9. (In Russian).

Pomerantseva E. V. *Mifologičeskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow: Nauka Publ., 1975. (In Russian).

Sugonyak V. V. *Domovoy v vostočnoslavyanskoj mifologii (po materialam Celinnogo rajona Altajskogo kraja)* [Domovoy in East Slavic mythology (according to the materials of Virgin district of the Altai territory)]. *Sibirskaya arkheologiya i etnografiya: vklad molodykh issledo-*

vatelei [Siberian archaeology and Ethnography: the contribution of young researchers]. Chita: Transbaikal State Uni. Publ., 2016, pp. 276–277. (In Russian).

Tokarev S. A. *Religioznye verovaniya vostochnoslavjanskikh narodov 19—nachala 20 v.* [The religious beliefs of the East Slavic peoples of the 19 — early 20 century]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1957. (In Russian).

Trostina M. A. *Bylichki o domovom kak istochnik informacii o semejnyh otnosheniyah i byte russkikh i mordvy (na fol'klornom materiale, sobrannom v Respublike Mordoviya)* [Little stories about the house as a source of information about family relationships and everyday life of Russians and Mordvins (folklore material collected in the Republic of Mordovia)]. *Voprosy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya v vyshei shkole* [The issues of archival and source studies at the higher school]. Arzamas: Arzamas branch of the UNN Publ., 2015, pp. 274–280. (In Russian).

Ust'yantsev S. V. *Katavskii fenomen: Nauchno-populyarnoe izdanie* [Katav phenomenon: popular science publishing]. Ekaterinburg, 2007. (In Russian).

Vinogradova L. N. *Narodnaya demonjlogiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk demonology and mytho-ritual tradition of Slavs]. Moscow: Indrik Publ., 2000. (In Russian).

Zelenin D. K. *Vostochnoslavjanskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow: Nauka Publ., 1991. (In Russian).

Zheleznov I. I. *Skazaniya ural'skikh kazakov* [Tales of the Ural Cossacks]. Orenburg: Orenburgskaya kniga Publ., 2006. (In Russian).

Submitted: 09.02.2020

Accepted: 14.04.2020

Article is published: 01.07.2020